

Цинь Цзижань был довольно счастливым наблюдением этого. Однако его настроение было разрушено быстро.

Цинь Чжэньи звонил снова. Как прежде, ответил Цзян Сяобинь, в то время как Цинь Цзижань слушал в со стороны.

“Г-н Цинь, Вы ищете брата Циня? Брат Цинь снимает сцену теперь. Позже, я удостоверюсь, что сказал ему, что Вы искали его!” Вместо того, чтобы ставить холодное лицо, Цзян Сяобинь улыбнулся и воскликнул ..., Пока он установил любезную атмосферу, в действительности, он просто делал это без энтузиазма.

“Позвольте ему немедленно ответить!” С этим повторяющимся ответом Цинь Чжэньи не мог сдержать свой гнев. Он не мог полагать, что мелкий помощник смел рассматривать его как это. Это должно являться объектом направлений Цинь Цзижаня. Он не мог больше терпеть это. Независимо от того, что, Цинь Цзижань был своим сыном. Как мог он рассматривать его так непочтительно!

Голос Цинь Чжэньи проревел по телефону, который Цзян Сяобинь целеустремленно повернул в направлении Цинь Цзижаня, таким образом, он слышал его ясно.

Цзян Сяобинь посмотрел на Цинь Цзижаня вопросительно, ожидая его ответ. Он должен продолжить отговорку или ждать его инструкций? Цинь Чжэньи, очевидно, потерял свое терпение. Он понятия не имел относительно того, что ожидать, ли он все еще должен был игнорировать.

На данном этапе Цзян Сяобинь не мог не вздохнуть. Действительно, Семья Циня была раздражающей. Как раз в то самое время, когда Старик Цинь наконец прекратил звонить, Второй Владелец поднял полицейскую дубинку. Что касается его, это совпадение не было без подозрения.

Цинь Цзижань непосредственно захватил телефон и говорил чрезвычайно безразличным голосом, “Я - Цинь Цзижань. В чем дело!”

Это должно быть вопросом, но изо рта Цинь Цзижаня, он больше был похож на заявление. Это было довольно отчужденно и холодно.

Цзян Сяобинь, сокращенный его шея. Как правило, Цинь Цзижань был морозной личностью. Помимо действия, он едва говорил. Это было только недавно, что это взяло изменение к лучшему. Окружающая безразличная аура стала более нежной. Это было, очевидно, всем благодаря президенту Су.

Несмотря на его обычную беззаботность, сегодня засвидетельствовал новый уровень плохо. В настоящее время бесчувственного Цинь Цзижаня не было трудно различить.

Ай, несомненно, они - отец и сын. Все же вещи повернули этот путь теперь. Он не мог не вздохнуть в способе, которым судьба играла два. Однако это было ошибкой Цинь Чжэньи. Будучи отцом он не взял на себя ни одной из своих обязанностей. Он на самом деле выбросил своего биологического сына и дал крик о нем прошлые двадцать восемь лет. Такой бессердечный человек не имел право быть отцом. Как он мог обвинить Цинь Цзижаня в своем безразличии и жестокости?

“Я полагаю, что Вы должны обратиться ко мне как к 'отцу'”. Тот же черствый голос звучал с основным несдержанным гневом и великодушием.

Цинь Цзижань хотел смеяться.

Отец?

Начиная с его формирующих лет он никогда не произносил то слово. Отец ... это название ... он только использовал бы его для Отца Су. Это - кто-то, кто достоин названия 'отец'. Не этот человек по телефону, который оставил его!

“Я полагаю, что мы не знаем друг друга”. В действительности они только видели друг друга однажды. Они никогда не говорили друг с другом. Было уместно сказать, что они не знали друг друга.

“Вы думаете, только отрицая, что я больше не Ваш отец ? Или делаете Вы думаете, теперь, когда у Вас есть поддержка Семьи Су, Вы не должны заботиться о Семье Циня ?” Цинь Чжэньи, было разъярено, и его слова стали серьезными. Только он знал, как смущающий это не должно было быть признано его собственным сыном!

Однако безотносительно причины, соответствующий результат неизбежен. Он принес проблему на себе! Однако Цинь Чжэньи был, очевидно, кем-то, кто не верил этому! Когда это прибыло к людям со статусом, им приклеили их глаза к их головам. Каждый полагал, что каждый был прав. Кто заботился о мнениях других ?, Эта так называемая вера была безошибочна.

“Разве Вы не позвонили мне из-за Семьи Су?” Есть высказывание - “ощущение себя виновным как вор”.

Цинь Чжэньи, а также Семья Циня, даже старик Цинь, держал предчувствия о существовании Семьи Су. Это было то, почему они оценивают его и связались несколько раз теперь. Однако каждый раз они говорили бы с презрением о Семье Су. Люди в значительной степени смеялись над ними.

Цинь Цзижань полагал, что, так как другая сторона не была смущена, чтобы сказать эти слова, почему он должен держать бронирования, чтобы парировать? Он извлек уроки не так мало из начиная с того, чтобы быть с Янием и наблюдал ее ручку эти люди.

“Самонадеянный! Это то, как Вы говорите со своими старшими? У Вас нет манер!” Способом, которым Цинь Чжэньи ругал его, был способ, которым он будет обычно делать выговор молодым поколениям. Однако момент, слова оставили его, он сожалел о т. Его лицо немедленно стало ужасным.

“Манеры? У меня даже нет дома. Куда мои манеры прибыли бы из?” По общему признанию слово 'манеры' только вызвало насмешку и презрение Цинь Цзижаня. Это вызвало негодование и недовольность, лежащую в самом основании его сердца. Конечно, это было больше мрачного чувства!

С начала, выбрали Семью Циня, чтобы проигнорировать его существование и притворился, что они не знали его; тогда он, возможно, был в состоянии действительно сказать себе, что Семья Циня не имела никакого отношения к нему. Он заботился приблизительно с родословной и даже так называемыми недовольствами и благодарностью!

Но почему Семья Циня решила найти его в это время? Кроме того, их слова только подстрекали его ярость ..., они действительно думали, что он был доброжелателен или что он безумно лоялен и поддержал бы сыновнее благочестие?

Цинь Цзижань был равнодушен. Ему связанный с кровью отец и дедушка действительно не имели в виду много. Они уже разбили его сердце. Куда он собирался заставить другое сердце давать им ?

“Самонадеянный! Даже если Вы обвиняете меня в том, что я не воспитал Вас, Вы должны знать, как быть благодарными. Без меня, где Вы были бы? Я - Ваш отец. Неважно, как Вы отрицаете это, это - правда!” Цинь Чжэньи был разъярен, но он понял, что у Цинь Цзижаня не было большого впечатления от него, его отца. Он не хотел признавать, что он был своим отцом, но он воспитал его некоторое время. Даже при том, что он не воспитал Цинь Цзижаня, он все еще позволил ему жить. Как мог он принимать Цинь Цзижаня, бросающего вызов ему!

“Благодарный ? Вы говорите мне быть благодарным?”

На мгновение Цинь Цзижань на самом деле чувствовал, что это было несравнимо смешно. Отец, который оставил его, так как он был ребенком, теперь говорил о том, чтобы быть 'благодарным'. Благодарный, для какой ? Благодарный, что он оставил его ?

Он должен был понять, что, так как родители родили ребенка, они также несли ответственность воспитать ребенка. Если они должны были оставить ребенка, возможно, они были, даже совершают преступление. С другой стороны, этот отец, который оставил его, смел говорить о том, чтобы быть 'благодарным' все еще. Если это не было смешно, то, что было этим! ?

“Когда слово становится кислым, добавление, что слова бесполезны. Г-н Цинь, пожалуйста, не тревожьте меня больше. Неважно, Ваш повод или вещи, которые Вы ищете, я не буду совещаться!” Как только Цинь Цзижань был сделан, он повесил трубку прямо. Он, казалось,

содержал свой характер, испуская опасную вибрацию. Он был сродни вулкану, который был должен извергаться в любое время. Прямо сейчас он был в самом сомнительном пункте.

Цзян Сяобинь хотел успокоить Цинь Цзижана, но он боялся его. Все, что он мог сделать, было, хранить молчание и наблюдают встревоженно.

На самом деле он знал, что этому человеку не было нужно успокоение. Поскольку они выросли вместе, он понял, насколько сильный и трудолюбивый он был. Он видел, что он вынес все тихо. Они были коллегами, но были также друзьями. Никто не знал лучше, чем он, что Цинь Цзижаню никогда не было нужно успокоение!

“Не волнуйтесь, хорошо”. Поскольку он взял в очень заинтересованном взгляде Цзян Сяобиня, его окружающая арктическая аура, немного рассеянная. Вместо этого он закончил тем, что успокоил Цзян Сяобиня.

Хотя этот брат, с которым он рос, был немного небрежен и любил, чтобы сплетничать, он был добр и рассматривал его действительно. Даже при том, что он не сказал слово, прямо сейчас, что беспокойство набросилось, лицо заставило его чувствовать себя намного лучше.

Да, у него не было семьи, но у него были друзья. У него даже была любовь. Нет, у него действительно была семья. Яний и Семья Су были частью своей семьи. Поэтому Семья Циня, которая полагает, что они безошибочны, может просто охладить, где это прохладно. У него определенно не будет отношений с этим им!

Цзян Сяобинь больше не говорил. Однако он тайно сообщил о ситуации Кан Чжуну. С тех пор, как брат Канг стал менеджером брата Циня, он был продвинут на то, чтобы быть шпионом. Он был ответственен за уведомление брата Канга каждого движения брата Циня. Конечно, самое главное, он должен был уведомить президента Су. Тем путем брат Цинь не был бы запуган!

Хамф, Семья Циня и этажерка - самые раздражающие люди. У президента Су было лучшее предложение с ними. Конечно, брат Цинь был довольно влиятелен также. Он мог обращаться с ними сам. Хотя он беспокоился, что брат Цинь будет питать опасения. В конце концов, они связаны с кровью.

Как только Кан Чжун получил новости, он естественно передал их Су Янию. Таким образом, когда Су Яний и Цинь Цзижань обедали, она внезапно говорила, “Вы не должны принимать вопросы Семьи Циня близко к сердцу. Я буду заботиться о нем”.